

Кононова Алина

Третья палата от Солнца

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алина Владимировна Кононова

Третья палата от Солнца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35479568

SelfPub; 2018

Аннотация

Эвелину преследует призрак её сестры-близнеца. Ник считает себя оборотнем. Ольга помешана на чистоте. Кит не разговаривает. Эда потерялась в своих сюрреалистичных галлюцинациях и не может найти дорогу в реальность. Они – пациенты психиатрического отделения в маленькой, экспериментальной больнице. Их врачи, усталые, пахнущие энергетиками и кофе, тоже скрывают что-то о себе. И это – их история. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
Меркурий	11
2	15
Венера	26
3	29
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

1

В понедельник я пытаюсь повеситься на бинтах.

У нас в отделении не аптека, просто так бинтов никто не даст, поэтому я разматываю руку Эды. Следы зубов и ногтей на её предплечье уже почти не видны.

Она спит на моей кровати и пускает слюни на подушку. Но мне не противно, я больше туда не лягу. На мокрую наволочку, на простыню в следах не отстиранных пятен – причём кровь это самый нормальный вариант их происхождения. Какая мне разница? Я не лягу на эту кровать, не буду сидеть на подоконнике. Я бы попрощалась с Эдой, но она сама храпит так, что не разбудишь.

Мне же лучше. Иначе я бы не смогла достать бинты.

Сестра сидит в углу. Пока я делаю петлю из длинной белой полоски, она сверкает единственным левым глазом и говорит:

– У тебя нет на это права. Ты не спросила меня, эгоистичная тварь.

Её второй глаз спрятан где-то в моём теле.

– Ну что тебе не нравится? Включи мозги, подумай о нас.

Я забираюсь на металлическую спинку кровати и, рискуя свалиться на спящую Эду, балансирую, затягивая узел на карнизе. А потом надеваю петлю на шею. Я знаю, как правильно, это моя третья попытка повеситься.

Третий раз, говорят, всегда волшебство.

Сестра взлетает под потолок и, забившись в угол, как классический призрак, шипит на меня.

– Прекрати немедленно этот балаган. Спускайся!

Затягиваю петлю на шее. Через минуту уже не нужно будет балансировать на врезающемся в ступни холодном металле.

– У тебя всё равно ничего не получится! – бросает она мне.

– Пошла в задницу! – отвечаю я. Не лучший выбор для последних слов, но сойдёт.

У меня ничего не получается.

Я могла бы предположить, что Птичник решит проверить палату. Или что неожиданно ворвётся Хриза. Или – любая другая причина. Но всё, как обычно, оказывается проще и глупее.

Бинт не выдерживает моего веса, рвётся, не успев сломать мне шею. Гравитация, как и всегда, срывается, и я падаю.

Левая рука ломается о спинку кровати, на которой я пару секунд назад пыталась устоять. Эда просыпается от того, что моё тело обрушивается на неё. Вскрик привлекает Птичника. Он врывается в палату и видит меня с оборванной петлёй на шее и костью, натянувшей кожу. Это сложно понять неправильно.

У Эды на лице чистое удивление. Она облизывает губы и сонно хлопает глазами. А когда меня берут за плечи и стас-

кивают с кровати, тычет в меня пальцем.

– Это что, мой бинт?

Сестра хихикает сверху, а мне остаётся только застонать. За что мне всё это?

У меня появляется немало времени обдумать этот вопрос. Поставив кость на место и закатав руку в гипс, меня запирают в тесной палате для буйных, или, как мы её зовём, Клетке. Почти нет мебели, на окне решётка, стены и те мягкие, а дверь постоянно запирают снаружи. Обстановку ещё можно вынести, но скуку смертную – почти невозможно.

На второй день я начинаю разговаривать с сестрой.

– *Когда уже тебе надоест?* – нудит она. – *Нам ведь здесь неплохо. К нам все хорошо относятся, никто не орёт и не смеётся. Что ещё тебе надо?*

– Я устала, – отвечаю я. – Не хочу жить больше. Не могу больше.

– *И почему? Что тебе не нравится?* – и с небольшими изменениями мы повторяем диалог снова и снова.

На третий день ко мне влетает Хриза.

Она толкает дверь так, что та ударяется о косяк, путается в полах белого халата и чуть не падает. На её голове подобие атомного взрыва, зелёный шарфик наполовину развязан, а в глазах бесконечный энтузиазм. Ещё только первая половина дня, но от неё уже несёт кофе. А может, запах настолько въелся в её одежду, что не проходит вообще.

Я всё ещё хочу самоубиться.

– Ну что же ты, Эва, – начинает она. – Я думала, мы договорились.

Мало ли, что она там думала.

Хотя, ладно, в последний раз я пообещала ей, что не буду пытаться убить себя, но только потому, что хотела выйти из Клетки. Да и разве можно доверять обещаниям сумасшедшей? А здесь меня именно такой и считают.

– Я думала, твои суицидальные проблемы закончились и можно будет начать работать с галлюцинациями, но теперь... – и она разводит руками.

– Что теперь? – я смотрю, как сестра на цыпочках вьётся вокруг неё, заглядывает в лицо и усмехается.

– Теперь придётся снова дорабатывать твою терапию. Есть лекарства... – она вытаскивает из кармана халата блокнот, из которого на пол тут же вылетает несколько бумажек.

Позволяю мозгу отключиться. Слушать, как Хриза болтает о лечении, выше моих сил. Она могла бы зверушек разговорами усыплять, если бы стала ветеринаром. Но вместо этого пошла в психиатры и доработалась до врача в нашей экспериментальной больничке. Хотя видим мы её не слишком часто. А других врачей, кроме неё, у нас нет.

Обычно Хриза предоставляет нас Птичнику и самим себе. Не то чтобы с нами было много проблем. Мне, Эде и Нику бывают нужны успокоительные, Ольга и Кит и так спокойны, а Принца можно вообще не трогать. Птичник контролирует

нас, иногда призывая на помощь санитаров. Ну и запирает в палатах. Часто.

В остальном мы просто живём. Как умеем.

Мы же не виноваты, что получается как-то не очень.

Хриза шевелит пальцами над моей головой, имитируя заботу.

– Успокойся, не думай об этом.

Она восприняла мою задумчивость как ступор, вызванный страхом или ещё чем-то.

– А твоя сестра? Она всё ещё здесь?

– Она всегда здесь.

Эта тварь из-за спины Хризы показывает мне средний палец.

– Я справлюсь с этим. У меня есть пара идей, – она снова трясёт блокнотом, и я закрываю глаза. Пусть думает, что я снова уснула.

Когда я возвращаюсь в себя, сестра сидит в углу, Хриза уже ушла, а дверь закрыта снаружи.

Кит приносит мне поесть. Меня не морят голодом, кормят, как остальных, но он залезает на подоконник и проталкивает через решётку маленькую банку смородинового джема.

У него красные от недосыпа глаза и кудряшки немного растрёпаны. Кроме джема, он даёт мне записку.

Кит не разговаривает. Это только к лучшему.

Я разворачиваю бумажку и понимаю, что писал не Кит, а Эда. Это у неё буквы больше похожи на закорючки или кляксы. Я минут пять разбираю несколько строк, и всё равно не уверена, что прочитала правильно.

– *Что пишет?* – спрашивает сестра.

– Она ругает меня за то, что взяла её бинт и за то, что пыталась повеситься. Хочет, чтобы мы поскорее вышли отсюда, пишет, что скучает по мне и ненавидит тебя.

– *Враньё, этого она точно не написала бы.*

– Откуда ты знаешь?

– *Покажи!*

Но я уже надёжно придавила записку к полу подушкой. Да, для сестры даже подушка это надёжно. Её руки неосязаемы для всего, кроме меня.

Она призрак, но только мой призрак. Остальные её не видят.

Я знаю, что сейчас она обидится и будет доставать меня всю ночь. Если Птичник услышит это и расскажет Хризе, то утром меня будет ждать дополнительная порция таблеток и ещё несколько дней в Клетке. Но оно того стоит.

Обмакиваю пальцы в банку с джемом и облизываю их. Кит, как всегда, такой милый. Надо будет поблагодарить его. Сестра, надувшись, сидит в углу, под гипсом чешется, но никто не даст мне спицу. Они боятся, что я проткну себе горло. Или сделаю ещё что-нибудь опасное.

Смородина кислотит на языке, вокруг слишком тихо. Толь-

ко с улицы доносятся голоса. Но никто больше не рискует залезть на подоконник, чтобы меня навестить.

Меркурий

Синдром исчезнувшего близнеца на самом деле встречается достаточно часто.

Я объясню вам, что это, без терминов и занудства. Это когда в утробе формируется два эмбриона – два близнеца, но рождается только один. Причин может быть много. Возможно, тело матери понимает, что не сможет выносить двоих, и уничтожает один эмбрион. Жертвует одним близнецом, более слабым, чтобы второй смог выжить.

«Исчезнувший» близнец поглощается другим близнецом или плацентой. Один пожирает другого, получая шанс на жизнь. Естественный отбор в действии. Так, что мы из этого вынесли?

У меня была сестра близнец.

Я её съела.

Но дело в том, что она решила остаться. Она всегда, всегда была рядом. Сначала ехидно улыбалась мне из зеркал. Потом начала появляться в тёмных углах. В конце концов, она выбралась из них и начала везде ходить за мной. Ей всегда было мало, мало всего! Я думаю, она хочет занять моё место, перебраться в это тело и начать жить вместо меня.

Да заткнись ты уже! Ненавижу тебя.

Да, сейчас она тоже здесь.

Вы не об этом хотели поговорить. А о чём? Сами же попросили рассказать что-то о себе.

А, хотите чтобы я вспомнила своё прошлое до больницы. Нечего там вспоминать.

Большую часть жизни я провела в больницах. Со мной всегда что-то было не так. Сначала я родилась недоношенной. Потом были какие-то детские болячки. Потом от туберкулёза умерла мама, в качестве прощального подарка заразив меня.

Многие вещи стёрлись из памяти, слились в один длинный коридор с белыми стенами, но я ясно помню отделение для туберкулёзников. Помню лекарства и бесконечные капельницы. Помню, как люди из моей палаты временами исчезали куда-то.

Я долго кашляла, они кашляли вместе со мной. Днём, ночью, всегда, там не было тихо. Больницы никогда не спят, и самыми глубокими ночами по коридорам кто-то ходит, провозит штативы с капельницами или каталки. Или кашляет. Или кричит. Всё равно это лучше, чем тишина.

Я ненавижу тишину.

У нас дома всегда было тихо. Может, до смерти мамы квартира и была наполнена звуками, но не после неё. Отец

каждое утро бесшумно уходил на работу и бесшумно возвращался. По вечерам сидел перед телевизором с выключенным звуком и что-то читал. Он не умел или не хотел поддерживать разговор. Тихие соседи. Тихая улочка под окнами. Долгими ночами, лёжа без сна в кровати, окружённая тишиной, задавленная ею, я чувствовала, как перестаю существовать.

В школе было не лучше, там меня игнорировали. Казалось, что призрак – я, а не моя сестра. Я всё ждала, пока кто-то пройдёт через моё тело, может, вздрогнет от холода, и не почувствует ничего больше. Я начала забывать, как говорить. Это было грустно, и смешно, и страшно.

И однажды утром понедельника я поняла, что не могу терпеть. Сняла бельевую верёвку с крючков, сделала петлю и накинула её себе на шею. Первая попытка. Тогда я тоже надеялась, что всё получится и я исчезну из этого мира.

Отец вытащил меня из петли и вызвал скорую.

Я рассказала психиатру всё. Про свою отвратительную жизнь, про тишину, про больницы и – про сестру, которая, как настоящий злобный призрак, преследовала меня. Психиатр смотрела на меня огромными, удивлёнными глазами, будто в первый раз такое слышала.

Через неделю нас с сестрой привезли в отделение.

Сначала мне казалось, что здесь тоже слишком тихо. Я впервые лежала одна в палате и почти не могла спать.

Первую неделю я часами смотрела в потолок, ни с кем не разговаривала и могла потерять сознание днём. Из-за недосыпа, говорил мне Ян.

Через неделю Хриза, обдавая меня волной кофейного запаха, прочитала вслух мою первую схему лечения. Я не поняла ни слова, но этого от меня и не требовали. Только глотать таблетки и терпеть уколы.

Эда с Ником начали заглядывать в нашу палату, разговаривать, вытаскивать нас в общую комнату или лабиринт. Нас было всего четверо, Ольга и Кит появились позже, но я даже к такому вниманию не привыкла.

Бессонница прошла. Но это не значит, что жить стало легче.

Я всё ещё хочу избавиться от всех своих проблем разом. И от сестры. Если бы мне дали просто уйти из этого мира, было бы легче.

А вы, может, вы мне поможете?

У вас нет при себе бритвы или пилочки для ногтей?

2

Из Клетки меня выпускают в следующий понедельник.

Ещё до завтрака – Птичник звенит ключами и, зевая, говорит мне освободить палату. На нем синяя футболка, под цвет кругов под глазами, и мятый белый халат. Ещё он ходит в старых вьетнамках, и можно увидеть татуировку на левой ступне – маленького снегиря с алой, похожей на кровавое пятно, грудкой. Мы всегда спрашиваем, что она значит, но он не говорит. Он вообще не очень разговорчивый, и всё, что я слышу это:

– Иди завтракать. Только умойся сначала.

Ян, так зовут нашего Птичника на самом деле, не идеален, но мне он нравится больше Хризы. Многим из нас. Поэтому я не пререкаюсь, хотя и хочется спросить, зачем выходить, если вскоре я снова отправлюсь в Клетку.

А лучше сразу на тот свет.

Из зеркала в душевой выглядывает отражение. Расчёску мне не давали, поэтому волосы спутались, губы рассохлись, но всё остальное такое же мрачное и недовольное жизнью, как было.

– *Симптяжка*, – говорит сестра, скаля зубы.

В зеркале она не отражается, но мне достаточно посмотреть на своё лицо.

Умывшись одной рукой и попробовав пригладить волосы, я иду в столовую. Хорошо, что у нас тут нет никого с клаустрофобией, потому что комната тесная, потолок слишком низкий. Место внутри нашлось только для одного большого стола и двух лавок. Еду нам приносят снизу, из кухни.

Я оказываюсь внутри первая, сестра садится рядом. Мы не успеваем заскучать, когда открывается дверь и заходят остальные. Если они и рады снова меня видеть, то ничего не показывают. У нас правило – никаких ссор и выходов в столовой. Иначе нас будут кормить отдельно, в палатах, а это скучно. Три раза в день мы ведём себя почти нормально.

Молча, все занимают свои места.

На моей стороне: Я, сестра, Кит и Ольга. Напротив: Ник и Эда. Принца кормят внутривенно.

Пока санитары разносят хлеб, яйца и тарелки с кашей, я расскажу вам обо всех.

Эти люди – единственные, с кем тут можно общаться. Мы живём вместе, едим вместе, делаем всё вместе. Больше не с кем. Потому что к нам не допускают посетителей, а нас самих не выпускают наружу. Замкнутая система переваривающая саму себя.

Кит. Самый тихий и милый из нас. Он не разговаривает и часто сидит, уткнувшись в стену или в угол, не замечая ничего вокруг. А по внешности вообще не скажешь, что ему место в отделении. Представьте ангела с какой-нибудь картины: кудри, бледная кожа, большие тёмные глаза. Именно

так он и выглядит, честно.

Эда. Самая взрослая, ей больше двадцати пяти. Её галлюцинации, судя по тому, что она рассказывает, могут переплюнуть воображение любого сюрреалиста. Что хуже, из-за них она постоянно путается, где заканчивается реальность и начинается сюр. Поэтому, пытаясь прийти в себя, она причиняет себе же боль.

На её руках, бёдрах, щеках, везде, где можно дотянуться ногтями, шрамы. И следы от зубов там, где она может себя укусить. Как-то к нам приехала комиссия и долго подозрительно смотрела на нас с Птичником. Они думали, что кто-то из нас с ней это сделал. Не зря, кстати. Есть у нас и такие.

Вот Ник. Никто не понимает, что творится у него в мозгах. Он может днями напролёт быть болтливым и оптимистичным, а может неожиданно наброситься на тебя. Или начать биться о стены, или легко ломать мебель. Легко, потому что он самый высокий и сильный из нас. Моя сестра его боится, я временами тоже. Выглядит он... неаккуратно. Волосы торчат в разные стороны, пара прядей падает на глаза. Даже щетина у него растёт неровно, какими-то проплешинами. Но сейчас он улыбается, и поэтому даже слегка симпатичный.

Ольга. Она невероятно красивая. Пусть она не никогда не улыбается, постоянно сидит ровно, будто проглотила швабру – всё равно красивая. Длинные тёмные волосы, большие фиолетовые глаза, полные губы. Её пальцы – красные, костяшки стёрты, потому что она постоянно моет руки. Или выти-

рает пыль, или пытается вымыть окна, отстирать халат Птичника. Сказать, что она повернута на чистоте, это ещё мягко.

Ещё есть Принц, но он не встаёт с кровати.

Мы почти ничего не знаем о Принце, на самом деле.

Звенят ложки. Птичник наблюдает за нами, облокотившись о стену. Особенно за мной и Ником: мы тут считаемся самыми опасными, только Ник для других, а я для себя. Эда тоже, но она вредит себе намного мягче. Ей просто нужна боль, а я хочу умереть. Но мне не позволяют. Я даже не могу сделать со своей жизнью то, что считаю нужным.

Какое они вообще имеют право решать жить мне или умереть?

С чаем нам раздают таблетки. У всех разные наборы, Хриза меняет их с каждой новой схемой «лечения». В кавычках, потому что лечение подразумевает выздоровление, но я не вижу никаких улучшений.

Сегодня у меня новое лекарство – маленькие розовые таблеточки, горькие на языке. После каждой попытки расстаться с жизнью Хриза придумывает что-то новое. Но когда-нибудь у меня получится, и я смогу прервать это всё. Всё и сразу.

Сестра единственным глазом смотрит, как я запиваю чаем таблетки.

– *И что теперь?* – спрашивает она. – *Попробуешь выбраться в окно?*

– На них решётки, тупица, – шепчу я. – Будто ты этого

не знаешь.

Она только фыркает. Птичник косится на меня – надеюсь, он не расскажет Хризе.

Пищевая цепочка нашего отделения: Хриза, Птичник, санитары и мы. Находиться на самом низу не слишком приятно, но мы в любом случае не можем выбраться. Входные двери закрыты. Территория окружена решёткой. У нас нет нормальной одежды – только серые пижамы. Нет никакой связи с миром вокруг, кроме газет, опаздывающих на неделю. Мы отрезаны от всего, заперты в своей миниатюрной вселенной с вспышками ярости, тишиной, и галлюцинациями, и призраками.

Нам от самих себя некуда деться.

Нас выпускают из столовой, и я тянусь к Киту. Хочу поблагодарить его за то, что не забыл обо мне. Было бы здорово посидеть с ним в общей комнате, но Эда ловит меня за руку.

Я бы попыталась вырваться, но она ловит меня за *загипсованную* руку. К тому же, освободиться из хватки Эды само по себе непросто.

Она ощупывает гипс, а у самой зрачки на всю радужку. Я поворачиваюсь к Киту, надеясь на помощь, но он закрывает дверь своей палаты. Это значит «я хочу побыть один». Я бы тоже хотела, хоть немного, но меня окружают. Эда держит за руку, Ник останавливается рядом, а Ольга замерла за моей спиной и шумно дышит.

– Я не виновата, – объясняю сразу. – Это всё она.

Сестра недовольно фыркает. Я всегда валю всё на неё, потому что её саму никто спросить не может. Разве что медиком, но у нас тут таких нет.

– Скажи ей, что она облажалась, – Ник, как и всегда, само воплощение добра.

– Она слышит тебя, – я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не добавить «тупица». Вроде бы сейчас у него спокойный период, но трудно угадать, когда он закончится.

Хотя, Ник явно в настроении. Он гладит меня по голове и спасает, взяв Эду за локоть и утащив в общую комнату. Она не сопротивляется. Во-первых, она, кажется, не совсем здесь, а во-вторых, сопротивляться Нику тоже не очень-то просто. Но Ольга до сих пор дышит мне в затылок.

– Что? – я поворачиваюсь к ней.

У Ольги всегда тяжёлый взгляд, иначе я никак не опишу. Она прижимает тебя к полу или отталкивает только своими сиреневыми глазами. Она никогда не улыбается, её губы плотно сжаты, брови сведены. Голос у неё тоже тяжёлый, но скорее приятный. Глубокий, как у оперных певиц.

– Ты хоть раз расчёсывалась за неделю? – она вытягивает руку и касается моих волос кончиками пальцев.

Это показатель доверия, Ольга ненавидит трогать других. Ей кажется, что все вокруг грязные.

– Ян причёсывал меня пару раз, – говорю. Ещё он пытался заплести мне косичку, но длины волос не хватило.

– Тебя надо привести в порядок, – бескомпромиссно от-

режает Ольга. – Пошли.

Она шевелит в воздухе пальцами – это вместо того, чтобы взять меня за руку – и идёт к своей палате.

Мы живём по одному, но безвылазно лежит у себя только Принц. Схема этажа такая: коридор, с одной стороны которого палаты, а с другой общая комната, процедурная, столовая и душ. В одном конце пост Птичника и дверь на лестницу, в другом ещё одна дверь, наружу. В ней окошко, через которое можно выглянуть в сад.

Обе двери всегда заперты. Ключи есть у Хризы, Птичника, санитаров, у всех, кроме нас.

Палаты от уличной двери к лестнице расположены так: мы, Ольга, Принц, Ник, Эда, Кит, пустая, пустая, пустая.

Ольга отличная соседка, чтобы вы знали.

Сейчас я могу сделать несколько шагов в сторону и закрыться у себя. Но Ольга потом весь день будет думать о моих спутанных волосах и не находить себе места. Слишком жестоко. Поэтому я послушно иду за ней

Вторая палата идеально чистая. Окно приоткрыто, впуская тёплый летний воздух. Нигде ни пылинки, подушка взбита, кровать аккуратно заправлена. Я, даже если постараюсь, не смогу так застелить покрывало – ни одной складки.

Ольга раскладывает на кровати две расчёски и садится ровно посередине. Я устраиваюсь на полу, спиной к ней.

Сестра садится напротив. Между нами есть всего три отличия. Я коротко подстрижена, а у неё волосы почти до ко-

лен. У меня оба глаза на месте, у неё только один. Я жива, она мертва. В остальном мы выглядим абсолютно одинаково. Мы – близнецы. Однойяйцевые. Один плод в утробе матери случайно разделился на две части, на двух идеально одинаковых человек. Если бы всё пошло нормально, мы бы родились вдвоём, но это же моя жизнь.

В ней ничего и никогда не идёт нормально.

Ольга дёргает меня за волосы.

– Осторожнее! – вскрикиваю я.

– Прости, – она начинает распутывать пряди. – Это непросто. Если делать медленно, придётся долго сидеть.

– Так может, часть сейчас, часть потом? – предлагаю я, и только закрыв рот, понимаю, что сказала.

Пальцы Ольги в моих волосах замирают.

Я только предположить могу, как её пугает идея отложить ненадолго какое-то дело. Заняться чем-то ещё, зная, что оно ждёт, спутанное и незаконченное.

– Прости, всё нормально, я потерплю, – скороговоркой выдаю я, а сестра фыркает.

– *Идиотка.*

– Заткнись, – Птичника рядом нет, можно не сдерживаться. Ольга меня не сдаст. Никто из нас не расскажет Хризе о небольших проявлениях ненормальности другого.

Расчёска снова начинает двигаться.

– Она сидит на полу? – спрашивает Ольга.

– Да.

– Он грязный.

– Она призрак, ей плевать.

Ольга всё равно не расслабляется. Она не расслабляется никогда. У неё уже морщины на переносице от вечно сведённых бровей, хотя, сколько ей, двадцать три? У всех нас есть такие следы, метки ненормальности. Морщины и красные пальцы Ольги, сбитые костяшки Ника, шрамы на всех местах тела Эды, куда она может дотянуться. Только у Кита и Принца, пожалуй, нет ничего, так что, говоря про всех, я погорячилась.

Мои следы спрятаны глубоко во мне.

Проходит немало времени, прежде чем Ольга откладывает расчёску. Мои короткие волосы теперь распутаны и идеально разделены на прямой пробор.

– Ты можешь встать, – говорит она.

Я поднимаюсь медленно, пытаюсь размять затёкшие ноги. Держу голову идеально ровно, пока иду к двери.

Уже на пороге мы останавливаемся, и я спрашиваю Ольгу:

– Ты придёшь в общую?

– Когда уберусь. С тебя нападало волос.

– Эм, прости, – всё ещё держа голову ровно, я прикрываю за нами створку.

– *И что теперь? Вскроешь себе вены? Ещё раз повесишь-ся? Разобьёшь голову об стену?* – она добавляет столько ехидства в голос, что мне хочется убить её, а не себя.

Жаль, но она уже.

– Всё, лишь бы ты отстала, – шиплю в ответ. Птичник может оказаться где-то поблизости.

– Ну и дура. Что ты будешь делать без меня?

– Не знаю. Жить нормально, – я резко оборачиваюсь, и теперь мы стоим лицом к лицу. Моё лицо. Наше.

Веко, прикрывающее её отсутствующий глаз, мелко дрожит.

– Я пытаюсь тебе помочь, – говорит она.

– Тогда, будь добра, исчезни, – снова шиплю я и отворачиваюсь.

Не чувствую, что она идёт за мной. Да, иногда сестра пропадает, пусть и ненадолго. Не знаю, что с ней случается. Растворяется в эфире, уходит в подсознание, или ещё что, но мне плевать. Хоть немного от неё отдохну.

В общей комнате Ник и Эда разгадывают кроссворд. Эда, очевидно, отошла от галлюцинаций. Или они не мешают ей вести себя как обычно, то есть: громко разговаривать, размахивать руками или смеяться по поводу или без.

Я замираю в дверях, глядя на них. Вокруг разбросаны книги, журналы и старые газеты. На свободном кресле свалены подушки – Ольга бы разложила их по цветам или размеру. Шторы задёрнуты, на широком подоконнике Кит оставил свои рисунки.

Ник первым замечает меня и машет мне рукой.

– Греческий бог, шесть букв, вторая «е»? – спрашивает

ОН.

– Гермес, – отвечаю я.

– Подходит.

Венера

Отец постоянно требовал от меня быть нормальной.

Вести себя спокойно, как нормальная девочка.

Быть чистой и аккуратной.

Помогать в магазине, как правильная дочь.

Мыть руки перед тем, как потрогать что-то со стеллажей.

Не бегать, чтобы ничего не уронить.

Никогда не бросать начатую работу на полпути.

Мыть руки, чтобы не оставлять грязных следов на витринах.

Держать идеальную осанку, как воспитанная девочка.

Не кричать, как вежливая девочка.

Мыть руки.

Быть нормальной.

У него магазин антиквариата. Большой магазин, в котором есть всё: от старинных книг до мебели и оружия. Может, не «есть», а «было», я не знаю. Мы не виделись уже год, три месяца и пять дней.

Он ни разу не навестил меня. Нет, не потому что не знает, где я или что со мной.

Он сам меня сюда и отправил.

Больше всего проблем было со шкафом у входной двери – с той стороны, где маленький колокольчик. Шкаф для статуэток. Шесть полок фарфоровых барышень, котиков, собачек, уток, всех, кого только могли сотворить ловкие пальцы мастеров. Фарфор даже ночью светится белым: чистая глазурная поверхность, тонкие изящные линии. На них заметны любые следы, даже случайный отпечаток пальца.

Одна из причин, чтобы постоянно мыть руки.

Убираться приходилось не просто часто, ежедневно. Стирать пыль с полок, с каждой из девяноста восьми полок в магазине. Подметать грязь, нанесённую обувью тех, кто часами смотрел антиквариат, но ничего не купил. Чистить старые ножи, хрустальные шары, шкатулки, табакерки, статуэтки, часы, подковы. Пыль и жирные пятна, грязь, везде грязь.

Помните, что я говорила про требования отца? К ним стоит добавить ещё одно.

Всё должно быть идеально.

Фарфоровые статуэтки были хуже всего. Я часами выщипала пыль из складок юбок и лент, промывала тряпки, меняла щётки, чистила снова, пока они не сияли белым. Звериные мордочки, миниатюрные сервизы, маленькие фарфоровые ладошки.

А мои руки, мои руки всегда были грязнее.

Отец говорил, что мои волосы цветом как благородное красное дерево. Мебель из такого была в магазине, её приходилось регулярно полировать, запах лака по всему магазину, липкие капли на полу, которые приходилось выскивать и счищать часами.

Моя кожа, говорил он, бледная, как фарфор. Только один внешний дефект – слишком красные ладони. Подушечки пальцев разъедены, костяшки стёрты, а ногти обломаны. Они слишком легко ломаются из-за химии, в которую я погружала свои пальцы каждый день, много лет подряд.

За такой дефект цену можно было понизить процентов на 10. Может, на все 15.

Я не жалуюсь. Жалуются только слабые. Да, это тоже говорил отец. Я любила его... всё ещё люблю. Я же старалась для него. Помогала в магазине – каждый день. Вымывала все полки, раскладывала ценники, училась вести бухгалтерию. Я хотела стать ценной, как самый лучший его антиквариат, хотела, чтобы он любил меня так же. Я послушно делала всё, что он мне говорил.

Поэтому когда он сказал, что мне нужно лечиться, я собралась, села в машину и приехала сюда.

Я не уверена, что больна. Эда спрашивала, умею ли я улыбаться. Ник постоянно называет меня ненормальной, хотя ненормальный тут он. Но раз отец и Хриза, считают, что мне нужно лечение, значит, так оно и есть.

3

Мы утыкаемся в кроссворд – я в кресле, Ник на соседнем, Эда, развалившись на диванчике и подмяв под себя сразу четыре подушки.

И такое бывает. Никто не психует, Эда не путает реальность и галлюцинации, меня не трогает сестра. Мы даже могли бы сойти за нормальных. Три человека в окружении книг, старых газет и принадлежностей для рисования – Эда и Кит очень любят рисовать. Мы вспоминаем слова, смеёмся, и я встаю, чтобы найти толковый словарь на стеллаже – мы как раз пытаемся угадать самую низкую тональность женского голоса, когда дверь открывается.

Я думаю, что это Ольга всё-таки прибралась и решила присоединиться к нам. Но на пороге стоит Птичник. А за его спиной моя сестра. Мрачно глядит на меня, поднявшись на цыпочки, но всё равно едва достаёт ему даже до плеча.

На Птичнике, как всегда, его старый в следах пятен халат. По нему можно историю отделения писать. Вот пара дыр, проделанных Ником и аккуратно зашитых Ольгой. Вот следы крови Эды. Потом моей. Из кармана торчит пакет для капельницы Принца, пустой уже, кажется.

Он носит очки в тонкой металлической оправе. За стёклами – серо-синие глаза. Нос у него с горбинкой и большой, как клюв, отчасти поэтому мы называем его Птичником. Ещё из-

за татуировки. Но особенно из-за того, что он любит запи- рать нас всех в Клетки.

В руке у него кружка. И я, глядя на сестру, вежливо же- лаю:

– Приятного чаепития.

– Это тебе, – отвечает он.

Я сомневаюсь, что Ян внезапно воспылал ко мне тёплыми чувствами и решил угостить чаем. Конечно, не он это при- думал. Это всё...

– Хриза сказала, через час после еды выпить, – и он до- стаёт из кармана пузырёк с таблетками. Пластиковая крыш- ка неровно отрезана, на этикетке подписано моё имя.

Ну конечно.

Сестра корчит мне рожи, пока я забираю у Птичника две таблетки и чай. Эда, как и всегда, не выдерживает молчания.

– Мы тоже хотим чаю! Можно и нам? Только без таблеток, мне своих уже хватило, – и носком ноги она пинает Ника. Рискованно, но тот просто кивает.

Птичник долго смотрит на них и наконец говорит:

– Чайник на посту горячий. Вперёд, – но когда Эда вска- кивает, мотает головой. – Не ты. И не ты тоже, – это уже мне.

Ник со вздохом встаёт и уже на пороге подмигивает сна- чала Птичнику, потом мне. И улыбается – он подозритель- но переполнен энергией. Ян тоже это замечает. И хмурится, сразу напоминая мне Ольгу.

– Может, не очень хорошо эксплуатировать его... – начи-

нает Эда, снова устроившись на подушках, но Птичник обрывает её.

– Я не доверю вам целый чайник кипятка. Где Кит?
Пожимаю плечами.

– Был у себя.

На лице Птичника написано «пойду проверю, есть ли повод его запереть». С этим выражением он покидает сцену. Эда потягивается, подставляя лицо свету из окна, как кошка.

– Психе, можешь попросить Ника принести мне чаю вот прямо сюда? Раз уж Птичник не хочет, чтобы я приближалась к его посту, даже встать не буду.

Сестра закатывает глаза, а я киваю и с полупустой кружкой в руке выглядываю в коридор.

Всё тихо. Птичник уже скрылся за дверьми палаты Кита, а Ник возится на его посту. Быстро – я впереди, сестра за спиной – мы идём к нему.

Пост Птичника похож на насест. Там стоит старое кресло с высокой спинкой, на которой он часто сидит, поставив босые ноги на сиденье. Обзревает территорию с высоты. Сестра тут же забирается наверх, откидывает за спину волосы. Свет мощной лампы делает её почти прозрачной.

Ник нагло роется в ящиках массивного стола. Большая часть закрыта, но из тех, в которые можно залезть, он вытаскивает две разномастные кружки, коробки с чаем и рафинадом. Пару кубиков я тут же отправляю в карман штанов – для Кита. Мы все на диете с низким содержанием углеводов,

а он обожает сладкое.

– Эда просит чаю с доставкой, – говорю я, осматривая стол.

Бумаги, плеер с наушниками, пара упаковок от таблеток – пустых. Птичник бы никогда не оставил что-то опасное там, куда мы можем добраться. Даже представить не могу, сколько всего полезного можно найти в запертых ящиках его стола.

Ник хмыкает.

– А завтрак в постель по утрам она ещё не хочет?

Я пожимаю плечами.

– Ладно. Но если она будет спать, когда я приду, вылью этот чай ей на голову.

Мне стоило улыбнуться или хотя бы посочувствовать Эде, но я молчу.

Птичник никогда не оставляет опасных предметов на виду.

И сегодня он просчитался.

Потому что в углу стола, рядом с кипой бумаг, около белых ошмётков пластика лежит тонкий канцелярский нож. Дрянной, сломается от одного удара, но для моих вен должно хватить.

– Психе, – зовёт Ник. Сестра напрягается, слезая с кресла.

Я быстро отвожу взгляд.

– М?

– Что с вами... – он кивает в сторону двери, думая, что

сестра там. – ...тогда произошло? Почему ты снова решила самоубиться?

– Оу, – никогда не знала, что на это отвечать. – Ничего особенного.

Я снова бросаю взгляд на нож. Синий пластик, чёрный бегунок и металл, достаточно острый.

– Просто я больше не могу это терпеть.

Он фыркает, вытаскивая из чашек чайные пакетики.

– Мне этого никогда не понять.

– *Не вздумай*, – шипит сестра.

– В смысле, здесь не так уж и плохо. Жизнь вообще не так уж плоха.

– *Нас снова запрут, если узнают. И недель не ограничатся!*

– А ты большую часть времени адекватна. И... не хочешь ещё чаю? И у тебя всё не так плохо с галлюцинациями, как, например, у Эды.

– *Я не галлюцинация! Эва, не вздумай его брать, идиотка!*

– Да заткнитесь! – не выдерживаю я.

Оба смотрят на меня. Слишком громко. Сейчас Птичник выйдет из палаты Кита, и...

В голове будто прояснилось на пару секунд.

– Прости. И, да, налей ещё, пожалуйста, – я протягиваю Нику свою полупустую кружку. Он отворачивается к стене, где за креслом воткнут в розетку чайник. Сестра шипит что-то, но я больше не слушаю. Быстрым и бесшумным движе-

нием я хватаю нож и прячу его в карман штанов, к сахару.

Ник поворачивается ко мне, кружка в его руках снова полная.

– Спасибо.

Сестра взмахивает руками и стонет.

– *Идиотка, какая же ты идиотка*, – и она растворяется в воздухе, второй раз за день.

Мне сегодня везёт.

Но нож в моём кармане, и когда Птичник заметит пропажу, он сразу же подумает на меня, поэтому надо спрятать его и быстро. Можно было бы, конечно, покончить с собой прямо там, в коридоре, залив кровью стол и добавив её в чай, который Ник сейчас так старательно подслащивает рафинадом. Но я не хочу торопиться. Чувствую, что если поспешу в этот раз, снова ничего не получится.

Поэтому я говорю:

– Зайду к Принцу.

Ник кивает и, кажется, хочет ответить, но я уже спешу к третьей палате, стараясь не расплескать чай. Больше всего я боюсь, что по пути меня поймает Птичник, или нож выпадет из кармана.

У Принца очень спокойно. Он неподвижно лежит на подушках, глаза закрыты, руки и ноги ремнями привязаны к кровати. Так он выглядит всегда, когда кто-то из нас к нему заходит. Бывает, конечно, и по-другому. Но о подобном мы узнаём только по крикам и беготне Птичника и спешно вы-

званных санитаров.

И прости, Принц, сегодня я не могу посидеть с тобой. Я пришла к тебе, потому что ты будешь молчать, ты вообще не заметишь, как я приподнимаю подоконник. Под ним небольшая, забытая строителями щель, о которой никто, кроме меня не знает. Там уже лежит баночка мёда, которую я несколько недель назад утащила для Кита. Теперь там лежит и нож.

Снова схватив кружку, я иду к общей комнате. Голос Птичника доносится от палаты Ольги. Он решил устроить внеплановый осмотр? Тем лучше, может, он заговорится, и когда вернётся на пост, забудет, что оставил нож.

Эда успела задремать, пока нас не было. Около неё лежит газета с незаконченным кроссвордом.

Надо бы разбудить её, пока Ник не вылил сладкий чай ей на голову.

Он ничего не забыл.

Он ловит меня сразу после обеда – хватает за плечо, тянет в палату. Эда издаёт удивлённый возглас, я чувствую тяжёлый взгляд Ольги на спине, и за нами закрывается дверь.

– Отдашь сама? – спокойно спрашивает Птичник. Только больно сжимает мою руку.

Не дождётся!

– Отдать что? Если вы про сахар, я его и так уже Киту отдала.

– Эва, не строй из себя дуру. Нож.

Почему все меня сегодня оскорбляют? Сначала сестра, теперь вот Птичник.

– Что за нож? Мне их даже не дают, одной ложкой ем, – чистая правда.

– Хватит, – хватка становится сильнее. – Мой канцелярский нож. Ты его взяла.

А не надо было бросать на столе.

– Ничего я не брала.

– Не ври.

– Не брала! – срываюсь я. – А если бы и взяла, уже бы с тобой тут не разговаривала!

Он отстраняется, опуская руку. Я его не убедила. Птичник не работал бы здесь так долго, если бы верил психам на слово.

Он зовёт санитаров, и они обыскивают комнату. Я в это время спокойно сижу на кровати. Пусть ищут. Удачи. Тайник под подоконником в палате Принца им всё равно не найти.

Перевернув и прощупав всё, Птичник недовольно смотрит на меня.

– Придётся тебе посидеть здесь.

– Но я...

– Пока мы не осмотрим всё отделение, – он кивает санитарам, и они выходят из палаты. Потом Птичник долго смотрит на меня.

Это трудно выдержать. Он будто пытается просветить ме-

ня, как рентгеном. Я начинаю ёрзать на покрывале, когда Птичник выходит из палаты. Хлопает дверь, поворачивается в замке ключ.

Я облегчённо вздыхаю. Теперь остаётся только ждать, когда меня освободят, чтобы снова зайти к Принцу и забрать нож.

В этот раз всё точно получится.

Нас не выпускают из палат до вечера. Птичник лично закрывает все двери, звеня своей связкой ключей. Я сижу на полу, прислонившись ухом к двери, и слушаю, как он, вроде тюремного надзирателя, ходит по коридору.

Всё ещё не поняли, почему мы зовём его именно Птичником? Вот он, запер нас всех по клеткам, и ходит между дверей, иногда останавливаясь, чтобы...

Шаги замирают. Заглядываю в замочную скважину, в ответ на меня смотрит сине-серый глаз.

– Отойди от двери, Эва, – голос из-за створки звучит глухо. – Скоро принесут ужин.

– Ладно. Только не надо меня так звать.

Он медленно моргает.

– Тебе настолько нравится прозвище?

– Нет. Но меня легко перепутать с Эдой.

Это правда. Эда сама начала называть меня Психеей, чтобы не было путаницы. Она тогда читала греческие мифы, и её больное сознание провело какие-то параллели между мной

и одной из героинь. Психею сократили до Психе. А мне без разницы, пусть хоть Динозавром называют.

Ян снова медленно моргает.

– Я подумаю.

Отхожу от двери. Сестра сидит в углу, кусая призрачные ногти призрачными зубами. Даже у мёртвых есть вредные привычки.

В этом нет никакого смысла.

Мне приносят ужин и ложку. Снова только ложку. Птичник приходит лично посмотреть, как я ем, но больше общаривает глазами палату. Когда я только приехала в клинику, было неудобно есть под чьим-то взглядом. Теперь привыкла. Я возвращаю Птичнику поднос, и он спрашивает:

– Где нож?

– Я его не брала.

В его взгляде я читаю «хватит врать» и «как же вы меня достали». Но всё равно не скажу.

Наконец Птичник уходит, оставив нас одних. Сестра садится у двери, я забираюсь в кровать. В душ меня, очевидно, сегодня не пустят. Из коридора раздаются отголоски истерического смеха Эды. Из-за стены ни звука – Ольга, должно быть, уже спит. И мне пора бы.

Птичник не сможет держать меня здесь вечно. Ему придётся открыть дверь, а там я своего шанса не упущу. Мне нужно будет всего-то прокрасться к Принцу, вытащить нож, и – несколько аккуратных движений. Всего два, если быть

точной. Глубоко вдоль по венам на предплечьях. Чирк-чирк. Если разрезать достаточно чисто, меня просто не успеют спасти.

Нет, не спасти. Это не будет спасение, потому что я его не хочу. Меня просто не успеют вытащить назад, в этот мир.

Если разрезать достаточно чисто, у меня получится.

В голове всё начинает путаться, как всегда, когда засыпаешь. Кажется, я слышу чей-то крик, может, это Принц, может... И я вижу лица, много лиц. Ян, мои товарищи по несчастью, Хриза, и – моё лицо. Наше лицо. Она смотрит на меня недовольно. Вижу, как дрожат её пальцы, холодные, потому что она мёртвая. Но это не может почувствовать никто, кроме меня.

Мы – близнецы. У нас особенная связь.

Поэтому сейчас я отлично чувствую, как её руки сжимают моё горло.

Я резко открываю глаза, чтобы уже в реальности увидеть, как она нависает надо мной. Коленом она прижимает мою руку к кровати, мёртвыми ладонями пытается задушить, а её длинные волосы просто везде.

Я уже хриплю и задыхаюсь. Из-за гипса я даже не могу оттолкнуть её второй рукой. Дёргаюсь, стараюсь вывернуться, но она только сжимает сильнее и шипит.

– Хотела умереть? Получи, тварь!

Пытаюсь втянуть воздух и пнуть её. Кто бы подумал, что

она такая сильная.

И, да, сделаем паузу, чтобы кое-что объяснить. Я хочу умереть, но не так. Умереть – это мой выбор и моё дело. То есть, я хочу умереть, но не быть убитой. И я точно не хочу, чтобы моя мёртвая сестра придушила меня!

Пытаюсь освободить здоровую руку, но она только сильнее прижимает её коленом. Изобретательная тварь. Вот уж не думала, что она... Она...

Я слышу перезвон металла и на миг думаю, что недостаток кислорода всё же вызывает галлюцинации. Но потом в комнату влетает Птичник со связкой ключей в руках. Я сразу понимаю, что это он, хотя и вижу всё смазано. Сестра поворачивается к нему, слегка ослабив хватку, и этого хватает, чтобы втянуть немного воздуха. С вдохом я возобновляю силы, могу сесть, отталкивая её. Я кашляю, тяжело дышу, но всё равно борюсь со своим призраком.

Ян уже у кровати, он смотрит на неё, и на несколько секунд мне кажется, что он тоже её видит. Но потом он кричит:

– Успокоительное!

И всё заканчивается.

Укол в плечо, тёплые руки санитаров, белое лицо сестры, забившейся в угол. В горле першит, и я прошу воды.

Кажется, Птичник поит меня из одной из своих чашек, но этого я уже не помню.

Очередной день в психбольнице начинается намного хуже предыдущего. Раньше у меня просто не работала одна рука, и я была полна надежд умереть, а сейчас всё совсем по-другому.

Я снова в Клетке, только на этот раз меня, как Принца, привязывают к кровати. Рука под гипсом ноет, в горле саднит, и вместо того, чтобы говорить, я хриплю. Каждое слово, каждая таблетка, которую мне назначает Хриза, каждый глоток воды вызывают боль. Хорошо ещё, что со мной сидит не слишком разговорчивый Птичник. Но даже его взгляд сложно выдержать. Особенно когда он ставит капельницы или кормит супом с ложечки – мне не рекомендуют твёрдую пищу. Взгляд можно истолковать как «за что мне такие проблемы», и «как же вы все мне надоели», и ещё «не понимаю, что происходит».

В последнем он сам мне признаётся, говоря:

– Никак не могу понять.

– Что? – хриплю я.

– Одна рука у тебя в гипсе. До шеи ты не дотянешься, но на ней следы двух ладоней. Откуда?

Вопросительно смотрю на него. Он выходит из Клетки и возвращается с зеркалом, в котором я могу рассмотреть

свою шею. Действительно – красно-синие отпечатки двух ладоней. Роскошные синяки.

– Я слышал про подобные случаи, но не видел, – признаётся Птичник.

Я только тяжело вздыхаю и осматриваю углы комнаты. Сестры нигде нет.

Может, она больше и не появится?

Может, она исчезла насовсем?

Птичник, правда, не сидит со мной постоянно. Он регулярно уходит проверить отделение, или выходит за новым раствором для моей капельницы, или отдаёт какие-то ценные указания на кухню. Но я не всегда замечаю его отсутствие. Это капельницы, или таблетки, или недостаток кислорода, или всё вместе. Я постоянно сплю, а если не сплю, не могу найти хоть одну мысль в голове. Я тону в подушке, теряюсь в трещинах на потолке. Мрачный взгляд Птичника или иголка в вене возвращают меня в реальность, если это и есть реальность, если я не сплю во сне.

И в этом сне меня постоянно кто-то навещает.

Первой, к сожалению, приходит Хриза. Спотыкается сначала о порог, цепляется халатом за торчащий гвоздь на стуле Птичника, роняет блокнот. Я ожидаю рассказа о новых схемах лечения, но она запланировала допрос.

– Ты не хочешь рассказать о том, что случилось?

Нет, совсем не хочу. И выражаю это тем, что отворачива-

юсь к стене, натягивая ремни.

– Меня очень интересует, что конкретно ты видела. Если я буду знать, то смогу помочь тебе.

В этом я сомневаюсь. Какой бы продвинутой не была медицина, какие бы невероятные лекарства не изобретали, какие бы сложнейшие операции не делали, они не умеют изгонять призраков.

Тут бы больше подошёл экзорцист, но у нас такого нет.

Хриза теревит ярко-зелёный шарфик. Ян молчит, но даже отвернув голову к стене, я чувствую его взгляд. И её тоже.

– Эва, ты не разговариваешь, потому что у тебя болит горло или потому, что не хочешь?

Это тоже не её дело. В конце концов, меня тут убить пытались, если она забыла. Пусть на это и списывает неразговорчивость.

Хриза ещё пару минут вздыхает около меня и уходит. Птичника она утягивает с собой: я слышу, как она спотыкается о порог и падает ему на руки. А потом они шепчутся, прикрыв дверь Клетки, и я не могу ничего разобрать. Мне остаётся только гадать, что со мной будет дальше. Никто из нас в проявлениях ненормальности не доходил до такого.

И виновата эта тварь, с которой мне не повезло иметь один набор хромосом на двоих. Где она теперь? Почему мне одной приходится разбираться с последствиями?

Оглядываю углы снова. Её нет.

Птичник возвращается и запирает дверь. Смотрит на ча-

сы, ставит мне капельницу. Вот, опять. Я скоро усну, а когда проснусь, не буду в состоянии мыслить ясно. Чувства притупятся. Моё тело – не моё тело. Я стала призраком, тело неведомое, и оно готово провалиться через матрас, через пол, глубоко, куда-нибудь в несуществующий Ад.

Меня пытались убить. Меня пыталась убить моя же сестра близнец. Я должна, наверное, быть в ярости, или в депрессии. Должна хотеть вытащить её из астрала и ударить несколько раз или закончить начатое ей, удушив себя ремнями, стягивающими мои руки. Вместо этого я хочу спать. А даже если не хочу, не могу найти в себе злости или страха.

Не могу найти вообще ничего.

Следующим приходит Кит. Он стучится в дверь во время одного из моих просветлений. Птичник выглядывает за створку перед тем, как пустить его.

– Говорить можно, трогать нельзя, – бросает он и утыкается в какую-то очень медицинскую книгу. Но я всё равно чувствую его взгляд.

– Привет, – хриплю я.

У Кита в руках блокнот, половина листов из которого уже вырвана. Ручку он носит за ухом, и сейчас, достав её, пишет мне

«У тебя страшный голос»

– Прости, я тут не при чём.

В этот раз я говорю абсолютную правду.

«Мы смотрели фильм ужасов. Ты звучишь как монстр»

– Нам же нельзя смотреть ужасы.

– Санитары, пока я сижу тут с тобой, ставят то, что нравится им, – мрачно тянет Ян.

«И мне понравилось» – пишет Кит и садится на кровать.

Под пристальным взглядом Птичника он быстро прикасается к моей руке и снова пишет.

«Всё остальное как обычно. Меня недавно чуть не поймали на кухне, только никому не рассказывай».

Я издаю звук, отдалённо похожий на смех.

«Ольга, пока тебя нет, каждый день убирается в твоей комнате».

– Если ей так нравится...

«Она говорила, что у тебя кошмарно пыльно под кроватью»

– Я туда просто не смотрю, – так и представляю Ольгу с отвращением заглядывающую под мою кровать. А пятна на простынях должны были привести её в ужас.

«На улице третий день дождь», – Кит опускает ручку и снова трогает мою ладонь.

Я часто не понимаю, почему его вообще заперли здесь, с нами. Подумаешь, что он не говорит и много сидит один, погружённый в свои мысли. Неужели это настолько большая проблема?

«Скоро обед. Мне пора», – он перелистывает страницу и пишет: «Я ещё приду?», – чтобы показать блокнот Яну.

Тот отрывается от книги.

– Да, можешь.

Напоследок Кит улыбается мне. Птичник закрывает за ним дверь Клетки.

Следующей приходит Ольга. Точнее, она четыре раза стучится в дверь, заглядывает внутрь и закрывает лицо руками.

– Здесь стоит вымыть пол, – говорит она. – И стереть пятна со стен.

– Так ты будешь заходить или нет? – спрашивает Птичник. Я изворачиваюсь в ремнях, чтобы увидеть, как она мотает головой.

– Прости, Психе, я не могу.

– Ничего, я понимаю, – я хриплю уже меньше. – Не расстраивайся.

– Возвращайся скорее, – говорит она, прежде чем, передёрнув плечами, удалиться наверх.

Ещё через день на пороге стоит Ник. Он сразу, отстраняя Птичника, проходит в Клетку, забирается на мою кровать. У него заразительно хорошее настроение, и у меня даже получается улыбнуться.

Мы разговариваем минут десять. Точнее, говорит по большей части он. Рассказывает про то, как Кит решил нарисовать портреты всех санитаров, и ходит за ними по пятам, чтобы сделать наброски. Как Хриза увеличила ему дозу

таблеток, как Ольга пыталась подстричь его, как Эда рассказывала всем, что видит в облаках ладью Викингов, а потом попыталась зубами оторвать от своей руки кусок мяса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.